

Василий Аксенов

69

*Часть сборника
Негатив положительного героя
(сборник)*

Василий Аксенов

69

«ЭКСМО»

Аксенов В. П.

69 / В. П. Аксенов — «Эксмо», — (Негатив положительного героя)

ISBN 978-5-457-11308-4

«Сплю на спальном устройстве под названием «кресло-кровать» в узком пространстве между письменной доской и кубиками для книг, полкой проигрывателя и подвесками с декоративной керамикой. Приближается конец шестидесятых, вся комната оборудована в соответствующем стиле. Все, в общем, красиво своей функциональной красотой, кроме самого спящего: опухшее, лет на тридцать старше меня самого, разносящее вокруг алкогольный смрад тело. К такому даже и «современная девушка» в постель не полезет...»

ISBN 978-5-457-11308-4

© Аксенов В. П.

© Эксмо

Василий Аксенов

69

Сплю на спальном устройстве под названием «кресло-кровать» в узком пространстве между письменной доской и кубиками для книг, полкой проигрывателя и подвесками с декоративной керамикой. Приближается конец шестидесятых, вся комната оборудована в соответствующем стиле. Все, в общем, красиво своей функциональной красотой, кроме самого спящего: опухшее, лет на тридцать старше меня самого, разносящее вокруг алкогольный смрад тело. К такому даже и «современная девушка» в постель не полезет.

Вот и во сне, если это можно назвать сном, происходит безобразная раскачка. Едва лишь приближаюсь к каким-то эмпиреям, протягиваю руку, чтобы приотворить что-то, ведущее куда-то, в какое-то молодое, россиниевское, что ли, моцартианское или, как его там, пушкинианское, ну в этом роде, как тут же, резко качнувшись, спотыкаюсь о какие-то ящики немытой стеклотары, вхожу в мучительный вираж, с тошнотой вынырываю, чтобы снова ухнуть в мусорный отстойник. Музыка тут никогда не пробьется сквозь лабиринты дряни, обдерет себе бока, обвалится кровоточащей шкурой. Сквозь все это торчащее, выпирающее, свисающее проходит только телефонный звонок из ЦК КПБСС. Вот именно, из отдела культуры, поганее не найдешь в городе лавки. Так и есть, от того секретаря, члена Политбюро, что ли, не иначе, звонят помощники. Трубка прямо над башкой, такой дизайн.

«Эй, как вас там! – говорят помощники. – Вы, что ли?»

«Ну я, кому тут еще быть по ночам?»

«По ночам, – усмехается цэгэбэшная губеха. – Сейчас одиннадцать утра, дорогой товарищ! Как себя чувствуете?»

Кажись, что-то важное, о чем надясь просил в заявлении. Тут начинает раздирать неудержимый кашель. На другом конце провода с интересом ждут. Поясняю: «Бронхит курильщика». Там с пониманием: «М-да, курить надо тоже бросать». И продолжают: «Послушайте, Как-вас-по-батюшке, вы, кажется, писали нашему геншефу, ну этому, который еще не на пенсии, просили аудиенции по поводу недоношенного произведения, так, что ли?»

Экое головокружительное смещение планов, летучесть стилей! Без алкоголя все-таки не перескочишь туда и обратно; м-дас, тудас и обратно!

«Флегон Афонович вас примет в пятницу, в одиннадцать, подчеркиваем, утра. Постарайтесь на этот раз прийти без фингала под глазом».

Хочется сказать: «Падлы вы позорные». Вместо этого произношу: «Нет слов, чтобы выразить благодарность Флегону Афоновичу». Слышу щелчок, мое выражение записано как неуместная ирония в адрес лексикона партии.

Вот хорошо, до этой цэковской пятницы еще два дня. Успею съездить в Ленинград, то бишь Санкт-Петербург, по поводу полузадушенного сценария. К вечеру, напившись всякой дряни по творческим буфетам, загружаюсь в «Красную (если еще не переименовали) стрелу». Кто сегодня тут дежурит в освежителе с коньяками да свинушками-отбивнушками? Да ведь любезнейшая же Валентина Архиповна, русский человек высшего класса.

«Стася пришел, – говорит она, немного, всего лишь на две буквы, путая мое имя. – Смотри, подсобница, опять у нас Стася!»

Подсобница смотрит так, как будто знает обо мне больше, чем Валентина Архиповна. Возможно, возможно, однако и доказательств все-таки нет никаких, не прицепитесь. «Давайте я вам пуговицу пришью к вашей кожаной куртке». Перед нами русская женщина второго класса, в том смысле, что прямо следующая за Валентиной Архиповной.

Приткнувшись в углу абсолютно минимального пространства, потребляю все, что дают. Пиджак плывет над головами, как наш невидимый самолет «Стелс». О, эти кожаные изделия, почему вам выпало отмечать своим размножением исторические вехи России? Сначала большевички, свердловчане, троцкоградцы, киргизоподобные фрунзенята и котовичи-ворошилы явились огромной паровозной пятой, чтобы строить новый мир своих кожаных утопий. Потом в сырую историческую погоду возник советский битник со слипшимися фигами в карманах кожаных спинжаков. Ну а вслед новое уже разыграло жеребцовское поколение киоскеров, рэкетиров, бойцов охраны в своей усовершенствованной коже с потайными кулуарами. Эх, родина, степная кобылица, скачи побыстрее, а то тут обдерут, поди, уже на диваны!

Одно за другим появляется в коньячном закутке знакомое лицо всесоюзного сценариста. Вы советской власти не знаете, ребята, талдычит всеобщий попутчик. Она вам фрондерствовать не даст, пока жива, каждого прижопит! Позвольте, позвольте, изумляются наследники ифлийцев, как это «пока жива»? Она ведь у нас всегда будет жива, не так ли? Попутчик, перепугавшись, кричит вдоль спящего коридора: «Вечно! Вечно!» Выпить, забыть весь этот позор.

Утром прибываем туда, куда ехали. Какая же это «колыбель», если ничего вокруг не узнать? Да жили ли тут когда-нибудь Дягилев с Бенуа? Где тут Медный Всадник, товарищи, где благородных девиц дортуарное общежитие, где Нева-сестрица, «Ленфильм»-батюшка, где вообще-то это, ну, главою-то непокорною выше, вот именно, где оно?

Оказывается, по закону «лиминальной драмы» прибыли не туда, куда ехали, а в Ригу, не в фигуральном смысле, а в столицу партийно-национального балтийского государства. Ире папире, говорит вокзальная стража на своем языке, платите за въезд в республику красных батальонцев! Платить надо в латах, руссише свинтус, похохатывают они. Да откуда у меня латы? Вот кожанка, может, сойдет за латы, геноссен?

Текут под шведским ветром волнистые флаги. К новым успехам в торговле, финансах, в путешествиях и в любви! Как молод я тут, дрожащий мужчина, молод и недурен, прямо хоть в женихи, если помыть и облачить в новую кожу. Кирпичом забиваю в иностранный телефон московскую монету. Работает, сволочь, несмотря на этническую дезынтыграцию. У телефона Эвридика Ростенковска, дитя восемнадцати (отнюдь не сорока восьми) лет. Катался с ней на лыжах в прошлом февральском сезоне. Бросал ей в снегу палки. Она ловила на лету бамбуковые намеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.